

На плотях — эпизод 4 из 5

Брошусь в реку я, грех ляжет на тебя большой! Душу мою загублю я, не трожь ты меня! Богом клянусь прошу!..

Тишину ночи разорвал болезненно визгливый вопль, и Митрий, как стоял, опустился на бревна, точно его пришибло что-то тяжелое, упавшее на него сверху из угрюмых туч, нависших над черной рекой.

Ну, ну, ну! боязливо заворчал Сергей, поглядывая, как его товарищ метался по бревнам, точно обожженный огнем. Чудак человек! Этакий чудак... сказал бы, чай... коли не тово тебе... не этово...

Всю дорогу ты мучишь меня... за что? Враг я тебе? а? враг? горячо шептал Митя...

Чудак ты, брат! Ах, какой чудак! смущенно и обиженно бормотал Сергей. Рази я знал что? Мне твоя душа неведома, чай!

Забыть я хочу это, пойми! Забыть на всю жизнь! Позор мой... мука лютая... свирепые вы люди! Уйду я! Навек уйду... Не в мочь мне...

Да уходи!.. гаркнул Сергей на всю реку, подкрепил восклицание громоподобным циничным ругательством и сразу осекся, как-то съежился и присел, очевидно, тоже подавленный развернувшейся пред ним душевной драмой, не понять которой теперь он не мог уже.

Эй, вы! носился над рекой голос Силана Петрова. Что у вас? Чего лааете? а-эй? Должно быть, Силану Петрову нравилось шуметь на реке среди тяжелого молчания своим густым и крепким басом. Окрики лились один за другим, сотрясая воздух, теплый и сырой, подавляя своей жизненной силой щедушную фигуру Митрия, уже снова стоявшего у весла. Сергей, во всю мочь отвечая хозяину, в то же время вполголоса ругал его крепкой и соленой русской руганью. Два голоса рвали тишину ночи, будили ее, встряхивали и то сливались в одну густую ноту, сочную, как звук большой медной трубы, то, возвышаясь до фальцета, плавали в воздухе, гасли и гибли. Потом снова стало тихо.

Сквозь разрыв в тучах на темную воду пали желтые пятна лунных лучей и, посверкав с минуту, исчезли, стерты сырой тьмой.

Плоты плыли дальше, посреди тьмы и молчания.

У одного из передних весел стоял Силан Петров, в красной рубахе с расстегнутым воротом, обнажавшим его могучую шею и волосатую, прочную, как наковальня, грудь. Шапка сивых волос нависла ему на лоб, и из-под нее усмехались большие, горячие, карие глаза. По локоть засученные рукава рубахи обнажали жилистые руки, крепко державшие весло, и, немного

подавшись корпусом вперед, он что-то зорко высматривал в густой тьме дали. Марька стояла в трех шагах от него, к течению боком, и с улыбкой поглядывала на широкогрудую фигуру милого. Оба молчали, занятые наблюдением: он за далью, она за игрой его живого бородатого лица. Костер рыбацкий, должно! поворотился он к ней лицом. Ничего. Держим прямо! О-ох! выдохнул он из себя целый столб горячего воздуха, ровно ударив веслом влево и мощно проводя им по воде. Не натужься больно-то, Машурка! заметил он, видя, что и она делает тоже ловкое движение своим веслом. Кругленькая, полная, с черными бойкими глазами и румянцем во всю щеку, босая, в одном мокром сарафане, приставшем к ее телу, она повернулась к Силану лицом и, ласково улыбаясь, сказала:

Уж больно ты бережешь меня. Чай, я слава те господи!

Целую не берегу! передернул плечами Силан.

И не след! вызываяще прошептала она.

Они замолчали, оглядывая друг друга жадными взглядами.

Под плотами задумчиво журчала вода. Справа, далеко где-то, запели петухи. Чуть заметно колыхаясь под ногами, плоты плыли вперед, туда, где тьма уже редела и таяла, а облака принимали более резкие очертания и светлые оттенки.

Силан Петрович! Знаешь, чего они там визжали? Я знаю, право слово, знаю! Это Митрий жалился на нас Сережке, да и проскулил так-то жалобно с тоски, а Сережка-то и ругнул нас.

Марья пытливо уставилась в лицо Силана, теперь, после ее слов, суровое и холодно упрямое.

Ну, так что? коротко спросил он.

Так. Ничего.

А коли ничего, так и говорить было нечего.

Да ты не серчай!

На тебя-то? И рад бы иной раз, да не в силу.

Любишь Машку? шаловливо прошептала она, наклонясь к нему.

Э-эх! выразительно крякнул Силан и, протянув к ней свои сильные руки, сквозь зубы сказал: Иди, что ли... Не задорь...

Она изогнулась, как кошка, и мягко прильнула к нему.

Опять собьем плоты-то! шептал он, целуя ее лицо, горевшее под его губами.

Будет уж! Светает... Видно нас с того конца.

Она попыталась оттолкнуться от него. Но он еще крепче прижал ее рукой.

Видно? Пускай видят! Пускай все видят! Плюю на всех. Грех делаю, точно.

Знаю. Ну что ж? Подержу ответ господе. А все ж таки женой ты его не была.

Свободная, стало быть, ты сама своя... Тяжко ему? Знаю. А мне? Али снохачом быть лестно? Хоть оно, положим, ты не жена ему... А все ж! С моим-то почетом

каково мне теперь? А перед богом не грех? Грех! Все знаю! И все преступил. Потому стоит. Один раз на свете-то живут, и кажинный день умереть можно. Эх, Марья! Месяц бы мне один погодить Митьку-то женить! Ничего бы этого не было. Сейчас бы после смерти Анфисы сватов к тебе заслал и шабаш! В законе. Без греха, без стыда. Ошибка моя была. Сгрызет она мне лет пяток-десяток, ошибка эта. Умрешь от нее раньше смерти...

Ну ладно, брось, не тревожь себя. Было говорено про это не раз уж, прошептала Марья и, тихонько освободившись от его объятий, подошла к своему веслу. Он стал работать порывисто и сильно, как бы желая дать исход той тяжести, что легла ему на грудь и омрачила его красивое лицо.

Светало.

И тучи, редая, лениво расползались по небу, как бы не желая дать места всходявшему солнцу. Вода реки приобрела холодный блеск стали.

Опять он намедни толковал. Батюшка, говорит, али это не стыд-позор тебе и мне?